

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Козлова Н.Ю. Риторика науки: о концептуальных истоках одного оксюморона и возможностях его преодоления
// Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74002 EDN: SXREGW URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74002

Риторика науки: о концептуальных истоках одного оксюморона и возможностях его преодоления

Козлова Наталья Юрьевна

ORCID: 0000-0001-6418-6682

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии; ФГБОУ ВО "Московский педагогический государственный университет"

119991, Российская Федерация, г. Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

✉ nyu.kozlova@mpgu.su

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.74002

EDN:

SXREGW

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Аннотация: анализируется идея риторики науки — философского направления, рассматривающего роль языка в конструировании логико-методологического и смыслового пространства науки. Отмечается, что, несмотря на очевидность риторического основания научного дискурса, идея риторики науки является одной из самых спорных и парадоксальных — сочетание «риторика науки» зачастую воспринимается как оксюморон. В статье с применением герменевтической рефлексии, а также логических и аналитических методов, выработанных в рамках современной эпистемологии гуманитарных наук, анализируются концептуальные истоки данного восприятия и обозначаются возможности его преодоления. Развивается представление, согласно которому у негативного отношения к риторическим элементам в научном размышлении древняя история, уходящая корнями в различные слои философского теоретического массива. Особое внимание уделяется объективистской критике смысловой неоднозначности, прослеживается ее связь с негативной философской оценкой риторики и идеей философского реформирования естественного языка.

Показано, что одной из причин философской критики риторики является привнесение ею в научный поиск субъективности и двусмысленности — эпистемических элементов, не укладывающихся в рамки объективистской научной идеализации. Истоки данной эпистемологической оптики обнаруживаются в античной философской мысли — в споре сократо-платоновской и риторико-софистической традиций понимания истины и роли связи языка и мышления в ее достижении. Проводится анализ концептуальных оснований философской критики красноречия, в результате которого делается вывод, что риторика, выступающая инструментом коммуникативных практик, становится заложником конфронтации философии и политики как интеллектуальных оснований существующего порядка вещей. Возможности преодоления восприятия риторики науки как оксюморона связываются автором с важностью рассмотрения взаимодействия эпистемологического и эпистемического уровней научного познания и эксплицирования его (взаимодействия) риторического дизайна.

Ключевые слова:

риторика науки, философия языка, познание, онтология, эпистемологический регулятив, объективность, коммуникация, языковая сборка, идея реформирования языка, риторический дизайн

Введение

Одной из значимых смысловых тенденций современной эпистемологии является интерес к риторическому измерению научного дискурса [\[1-9\]](#). С одной стороны, он обуславливается пониманием коммуникативной природы развития научного знания. Совершенствование научного метода оформляется, прежде всего, в диалоге, который в подвижной среде научной конкуренции — в живом идеетворческом процессе — оборачивается столкновением зачастую противоположных позиций. В таких условиях артикуляция знания основывается, в первую очередь, на стремлении к максимально эффективному обоснованию защищаемой позиции и убеждению противников в ее конструктивности. Утверждение идеи в исследовательском пространстве во многом риторично — такая позиция очерчивает ракурс, позволяющий усматривать в диалектике способов артикуляции научной мысли ключевой момент в развитии научного дискурса, когда формой языкового выражения, в которой сплавляются логический и смысловой компоненты, конституируется научная онтология. С другой стороны, интерес к коммуникативному основанию научного дискурса обостряется актуальным поиском новых путей взаимодействия науки и общества, в котором научный метод мог бы выступить интеллектуальной основой для разрешения конфликтов современности [\[11; 12\]](#). В этом аспекте, учитывая первостепенную функцию языка в формировании интеллектуальных практик социума, фокус исследовательского внимания сосредотачивается на осмыслении роли языка в конструировании смыслового пространства культуры. В центре внимания оказывается проблема языковой «сборки» познавательных стратегий — как выбор того или иного логико-понятийного дизайна влияет на конструирование научного факта и его смысла, а также каким образом подобное конструирование отражается на дальнейшем развитии науки и общества [\[10; 11\]](#).

Несмотря на очевидность риторического основания научного дискурса, риторика науки (Rhetoric of Science) выступает философским направлением, идея которого является одной из самых спорных и парадоксальных [\[1\]](#). Сочетание «риторика науки» в

большинстве случаев воспринимается как оксюморон [4], тем самым демонстрируя невозможность сведения столь по-разному нагруженных в смысловом плане понятий «наука» и «риторика». Если первая ассоциируется с человеческим гением, бросающим вызов миру и Вселенной, со строгостью мысли и объективностью, то вторая в самом нейтральном ракурсе — с учебной дисциплиной филологического цикла, с поэтизацией, стилистикой и изящной словесностью, а в самом ассоциативно нагруженном — с происками политиков и искусством обмана и манипуляций. Подобное восприятие само по себе представляет проблему: почему в понимании риторики доминируют отрицательные коннотации, превращая риторику науки в оксюморон и ставя под вопрос ее соотношение с наукой?

Основная часть

У подобного восприятия есть своя история, концептуальные истоки которой обнаруживаются в различных слоях философского теоретического массива. Век за веком объективистски ориентированная философская мысль утверждала принципиальную несовместимость поиска истины и риторики. Под давлением сократо-платоновской критики красноречия, усматривавшей в последней прежде всего технику манипуляции сознанием [7], доминирующим оказывалось представление о риторике как о показном, «цветистом» пустословии и инструменте манипуляции и обмана [13;14]. Философская критика риторического — это история цепкого, непримиримого стремления философии вычленив из своей артикуляции «природу, склонности и интересы говорящего» [13] — субъективный элемент, как считалось, искажающий научную рефлексию. Представление о непереносимой «сухости истины» [14, с. 565] было тем идеализированным критерием «действительного познания», который оказался не знающим исключений «молотом ведем» для любого проявления риторического в философском тексте. Более всего страдала образная сторона языка — незаменимая при конструировании и передаче нового знания [15] и, несмотря на это, последовательно критикуемая: считалось, что переносное употребление слов усиливает смысловую неоднозначность и потому неприемлемо в поиске истинного.

Философская критика риторического оказывается связанной с критикой естественного языка, природа которого рассматривалась в качестве семантически дефектной и неспособной в полной мере служить целям познания. «Плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум» [16, с. 20], понятийное значение неустойчиво и непостоянно [13], вызывая неоднозначность толкований, — язык нуждается в «исправлении». История западноевропейской философской мысли знает множество примеров реформирования естественного языка. Среди наиболее выдающихся, оставивших неизгладимый эпистемологический след, можно выделить проект «Lingua Generalis» Лейбница, в котором он преследовал цель создать язык — «...не покорное орудие выражения мыслей», а «...действенный, гибкий инструмент» [18, с. 284]. Предполагалось, что с его помощью было бы возможным не только выверить массив уже имеющихся научных знаний, но и обнаружить ошибки в стратегиях рассуждений. Не менее важным этапом в развитии идеи реформирования языка являются достижения аналитической философии, в частности разработки Фреге специального символического языка (Begriffsschrift), направленного на то, «чтобы сломить господство слов над человеческим разумом» [19, S. vi], а также конструирование Карнапом языков формальных логических систем. Языковое реформирование, таким образом, было направлено на преодоление смысловой неоднозначности: идеальное для

исследовательских целей понятие должно быть однозначным.

Особенно интересно в подобном требовании к языку то, что его древний исток — спор риторики и философии периода эллинской классики — практически не прослеживается. По традиции внедрение в научную рефлексию эпистемологического регулятива в виде стремления к ясности и отчетливости возводится к рационалистической оптике Декарта, выдвинувшего в качестве критерия истинности познания логичность, очевидность и ясность. Кульминацию подобной стратегии, как известно, проявляют идеи логического эмпиризма, настаивавшего на том, что высказывания, которые нельзя подвергнуть эмпирической верификации, являются бессмысленными. Между тем одна из первых серьезных проблематизаций связи языка и мышления в ракурсе стремления к истине была произведена в споре сократо-платоновской и риторико-софистической традиций. Анализ его оснований позволит прояснить столь распространенное восприятие риторики науки в качестве оксюморона.

В эллинский период импульсом к философскому осмыслению взаимодействия языка и мышления послужила сама реальность и ее практические — а именно политические — задачи. Развитие демократии, усложнившее политические процессы укреплением гражданского права свободы слова, заострило указанную проблематику на вопросе связи силы речи и преследуемой говорящим цели. К основному, разрабатываемому софистами и риториками техническому измерению проблематики — как с помощью языка внушать идеи и убеждать — Сократ привносит этическое: какими стремлениями руководствуется притязавший на власть и политическое высказывание? Обрел ли он власть над собой, выработав философское отношение к самому себе, выступающее необходимым условием этического отношения к другому? Этичность становится критерием различения истинной философской речи, направленной на обретение знания и совершенствование мышления, и не-истинной риторической — проводника изменчивого мнения. В результате риторика как искусство политического влияния не проходит этическую проверку: с точки зрения Сократа, к власти приходят худшие (Государство, 496 d) [\[20, с. 301\]](#). Ослепленные тщеславием и жадой власти, они не стремятся к политической добродетели, не способны править и наносят политике полиса только урон. Риторика, служащая инструментом политического возвышения недостойных, сравнивается Сократом с «поварской сноровкой ... для души» (Горгий, 466 e) [\[21, с. 499\]](#), нацеленной на внушение ей ложных представлений и идей, — воспринимающий речь пленяется «призраком» знания и потому лишается возможности приблизиться к истине. По сути, философской критике подвергаются два аспекта речи: субъективность говорящего, ориентированная на манипуляцию аудиторией посредством внушения ей заведомо ложного, но выгодного говорящему мнения, и риторическая форма артикуляции — та языковая оболочка, которая выступает проводником суггестии.

Философское наступление на искусство красноречия, по сути, было вызвано неэтичным, с точки зрения Сократа, использованием языка. Сама по себе критика красноречия выступает фоном по отношению к главному критическому удару сократо-платоновской философии — по образу жизни и мышления, восприятия мира и себя субъекта как участника политических отношений и процессов. Одним из центральных смыслообразующих мотивов философии выступает мотив «ухода за душой» [\[21\]](#), понимавшийся в качестве заботы человека о добродетели, чутком самоосознавании и власти над собой — всей совокупности таких «отношений» к себе, которые позволяли «жить самым достойным образом» (Горгий, 520 e) [\[21, с. 567\]](#) и достичь блага — главной цели человеческой жизни. Ранее упомянутые вопросы (заботится ли человек о себе? Знает ли себя, действительно ли владеет собой, освоив искусство измерения, что смеет

выступать с политическими речами и претендовать на правление?) становятся ключевыми при этической оценке. Проблематизация сократо-платоновской традицией интеллектуальных практик в этической плоскости усиливает конфронтацию между философией и политикой [22], в которой риторика как искусство сложения речей невольно становится заложником. Анализ деятельности ораторов и их роли в общественной и духовной жизни и как знаменатель — развенчание риторики (не искусство, как все считают, а навыки манипуляции и обмана) выполняет две функции. Во-первых, служит ориентиром для отличия истинно философской речи и, соответственно, этического субъекта. Во-вторых, выступает предостережением как для желающих вступить на политический путь — обучение риторике, настаивает Сократ, критикуя софистов, это еще не вся политическая добродетель, намного важнее овладеть ее ядром, т.е. научиться управлять собой и освоить искусство измерения [Платон 1990] — так и для аудитории, слушающей уже состоявшихся ораторов и одобряющей то или иное политическое решение в результате воздействия их речей.

Таким образом, оформляя коммуникативные стратегии дискурса власти, риторика выступала инструментом конструирования политической реальности — именно это и послужило причиной настойчивого внимания к ней сократо-платоновской традиции. В то же время введение этического критерия в практику политических речей явилось предпосылкой для их критического анализа. Соответственно, к риторике, которая ассоциировалась с искусством манипуляции, обретавшим свою силу над сознанием человека как раз благодаря смысловой пластичности языка, его образности и неоднозначности, которую искусный оратор может использовать в своих корыстных целях, закреплялось критическое отношение.

Важно отметить, что довольно жесткая критика риторики в диалогах Платона может, на первый взгляд, свидетельствовать о категорическом неприятии философией ораторского искусства и служить основой для последующего их концептуального противопоставления. Однако это не совсем так. Признавая первостепенную значимость риторики самим фактом внимания к софистам и обсуждения их системы обучения политической добродетели, сократо-платоновская традиция акцентировала внимание на важности философско-этического анализа коммуникативных практик в силу их конститутивной роли в развитии интеллектуальной реальности. Платон, блестяще владевший искусством красноречия, о чем свидетельствуют его сочинения, развернул философской фронт против риторики, по всей видимости преследуя следующую цель. Осознавая связь между языком и мышлением — область прикладных интересов софистов и раторов — и оценивая катастрофические последствия политической деятельности, лишенной этического основания, в диалогах Платон, по сути, драматизирует обсуждение вопроса о риторическом обучении, тем самым создавая вокруг его идеи негативный фон. Подобный ход создает подходящие условия для эпистемологической и онтологической проблематизации мышления, выразившейся, прежде всего, в оппозиции «мнение-знание», «видимость-истинное бытие», «убеждение-доказательство». Иными словами, идея риторики оказывается втянута в круг серьезных метафизических проблем. Однако, учитывая колоссальный удельный вес платонизма в развитии западноевропейского философского мышления и непосредственную, веками только укреплявшуюся связь риторического искусства с политической сферой, можно говорить лишь о закономерном укоренении той негативной ассоциации, которая однажды возникла, вне учета факторов ее происхождения. Это замечание становится особенно интересным в контексте аристотелевской «защиты» риторики. «Пользование словом», равно как и другими «благами», свойственными человеческой жизни — например, силой, здоровьем,

богатством, военным талантом и тп. — само по себе этически нейтрально: «человек, пользуясь этими благами, как следует, может принести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими,] может сделать очень много вреда» [23]. Иными словами, этическую тональность той или иной человеческой способности задает характер субъекта. Однако данная позиция в отношении риторики не получила поддержки в последующем развитии эпистемологических идеализаций.

В философско-методологической памяти последующих веков стирается воспоминание о «заложничестве» риторического искусства, и, поскольку политические вопросы и их этическое измерение актуальны на всем протяжении человеческой истории, в большей степени закрепляется его плохая репутация. В то же время осмысление проблемы связи языка и мышления, очерчивающей дискурс размышлений об истине и ее достижении, получает определенное направление, а именно в ракурсе критики языка и стремления к объективности. Рассматриваемая проблема обретает в объективистской философской традиции одну из самых удивительных интерпретаций — в методологической позиции, подразумевающей настороженное, максимально критичное отношение к смысловой полифонии естественного языка и установку на устранение в познании всего неоднозначного. Наиболее яркое проявление подобная методологическая стратегия находит в уже рассматривавшейся «терапии», или профилактике естественного языка, которая выступает попыткой контроля его негативного влияния на научный поиск.

Несмотря на то что вышеприведенный анализ показал, что в основе отношения к риторике науке как оксюмору лежит древняя история философской критики искусства красноречия, именно в связи риторики и философской рефлексии об основаниях познания обнаруживаются пути для преодоления оксюморонной оптики. Речь идет прежде всего о наблюдающемся в нем взаимодействии эпистемологического и эпистемического уровней, которое проявляется следующим образом. Если обратиться к анализу любой философской методологической позиции — например, к уже известной идее реформирования языка — то в ней легко обнаруживается риторическое основание, а именно формула «как говорить и о чем», которая в рассматриваемом примере транслирует эпистемологическое предписание «содержание мысли, имеющее ценность для философского и научного познания, необходимо излагать в четкой недвусмысленной форме». Причем на реальном методологическом уровне, вопреки научной идеализации, уклонения от смысловой неоднозначности, использования образности, ее усиливающей, естественно, не происходит. Более того, путь аргументации оформляется всеми доступными языковыми средствами.

Особенно показательные в этом отношении примеры обнаруживаются в работах английских философов XVII века. Ставя своей целью избавить философский метод от многовекового теологического и алхимического символизма, тем самым высвобождая развитие науки от пут метафизических споров и спекуляций, философы обнаруживали источник ошибок в мышлении в семантическом несовершенстве естественного языка и его злоупотреблениях [13-14; 16; 17]. Однако при этом, развивая и аргументируя свою позицию, использовали критикуемую ими риторико-образную языковую сторону. Более того, Бэкон, разрабатывая проблему передачи знания, подчеркивал необходимость риторики и ее механизмов при изложении принципиально новой системы знаний [14]. В подобной коммуникативно осложненной ситуации, когда новая идея сталкивается с укоренившимися предубеждениями и сопротивлением непривычной стратегии мысли, логические аргументы и апелляция к фактам зачастую оказываются бессильными. В таких случаях внедрение новой оптики необходимо проводить риторическим путем, позволяющим ей не быть обделенной вниманием или отброшенной в качестве

парадоксальной [14]. Если раскрыть точку зрения Бэкона, утверждавшего, что образная сторона языка делает новые мысли «доступными человеческому восприятию» [14, с. 347], то риторический путь позволяет, во-первых, активизировать воображение реципиента — он не просто пассивно воспринимает информацию, а активно участвует в процессе осмысления ее логических цепочек, строит собственные ассоциативные связи, реконструируя понимание, предложенное автором; во-вторых, риторические механизмы (например, метафора) позволяют обойти защитные механизмы сознания, связанные с предубеждениями. Предлагая новую идею в знакомом образе, автор смягчает новизну, делая её менее угрожающей для устоявшегося научного мировоззрения.

Подобные и иные проявления риторического основания философской рефлексии наблюдаются в любом исследовательском построении, преследующим цель внедрить новый исследовательский ракурс в существующую онтологию [2; 24]. Более того, императивная функция научной идеализации имплицитно содержит в себе тенденцию к убеждению. В случае с упоминавшейся стратегией реформирования языка, реализующейся в эпистемологическом стремлении к однозначности и объективности, одной из линий аргументации является сама предполагаемая языковая форма, соответствующая представлениям о рациональном доказательстве и усиливающая интенсивность приверженности аудитории предлагаемому исследовательскому ракурсу [25]. Любую исследовательскую позицию, таким образом, отличает не только взаимосвязь эпистемического и эпистемологического, но и определенный риторический дизайн, устанавливающий данную взаимосвязь в логической структуре аргументации и ее понятийно-смысловой форме.

Заключение

Необходимо отметить, что риторика как искусство коммуникации выступает неотъемлемым компонентом любой речи, преследующей убеждение. Научный дискурс, направленный на разработку новых стратегий познания реальности, имеет ярко выраженную коммуникативную основу: вхождение новых представлений в существующую онтологию риторично. В современной эпистемологии, отталкивающейся от идеи того, что научные теории не являются объективными отражениями реальности, а скорее социальными конструкциями, формируемыми в процессе коммуникации и аргументации, все более нивелируется противопоставление науки и риторики и утверждается понимание последней как неотъемлемого механизма научного процесса, конститутивного элемента, стоящего у истоков формирования научных теорий, их восприятия научным сообществом и социумом. Особую важность приобретает наблюдение за процессом языковой «сборки» стратегий научного познания, анализ опыта артикуляции научной мысли и его онтологического значения. Возросшее внимание к языку науки и его роли в формировании знания, наблюдающийся «риторический поворот», не означает возвращение к софистике или отказ от логики и эмпирических доказательств в научном познании. Он скорее призывает к более тонкому и внимательному анализу коммуникативных аспектов научной деятельности, к рассмотрению науки не только как системы знаний, но и как социального практики, основанной на коммуникации и убеждении. Подобная исследовательская оптика способствует пониманию того, как развивается познание, какую роль играет язык в формировании логико-методологического и смыслового пространства науки.

Библиография

1. Gross A. The Rhetoric of Science. NY: Harvard University Press, 1996. 286 p.
2. Gross A. Starring the text. The place of rhetoric in science studies. Southern Illinois

University Press, 2006. 217 p.

3. Prelli L.J. A Rhetoric of Science: Inventing Scientific Discourse. Columbia, SC: University of South Carolina, 1989. 320 p.

4. Bazerman Ch. The Production of Technology and the Production of Human Meaning // Journal of Business and Technical Communication. 1998. Vol. 12. № 3. P. 381-387. DOI: 10.1177/1050651998012003006. EDN: JNBSWV.

5. Ornatowski C.M. Rhetoric of Science: Oxymoron or Tautology? // The Writing Instructor. 2007. URL: <http://www.writinginstructor.com/ornatowski> (дата обращения: 10.03.2025).

6. Макклоски Д.Н. Риторика экономической науки. Второе издание. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдар: Издательство Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.

7. Козлова Н.Ю. Риторика и наука: преодоление античного разрыва // Проблемы современного образования. 2018. № 1. С. 9-18. EDN: YUOKLS.

8. Грифцова И.Н., Козлова Н.Ю. Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 1. С. 122-133. DOI: 10.5840/eps202461111. EDN: TWYIUI.

9. Микешин М.И. "Полевые" работы эпистемолога технонауки // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 4. С. 25-35. DOI: 10.5840/eps202461453. EDN: URHERX.

10. Haslanger S. Gender and Race: (What) are they? (What) Do We Want them to Be? / Resisting reality. Social construction and social critique. NY: Oxford University Press, 2012. P. 221-248.

11. Burgess A., Cappelen H., Plunkett D. Conceptual Engineering and Conceptual Ethics. NY: Oxford University Press, 2020. 461 p.

12. Козлова Н.Ю. Концептуальная инженерия: идея и проблемное поле // Вопросы философии. 2024. № 9. С. 157-166. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-157-166. EDN: MERGOL.

13. Hobbs T. Leviathan or the matter, forme and power of a common-wealth ecclesiastical and civil. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/3207/pg3207-images.html#link2HCH0004> (дата обращения: 03.01.2025).

14. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 623 с.

15. Козлова Н.Ю. Образность в научном дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 138-152. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1-138-152. EDN: QAPTCN.

16. Бэкон Ф. Новый органон, или истинные указания к истолкованию природы / Сочинения. В 2-х томах. Т. II. М.: "Мысль", 1971. 590 с.

17. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / Сочинения. В 2-х томах. Т. I. М.: "Мысль", 1971. 590 с.

18. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб: Изд-во "Alexandria", 2018. 422 с.

19. Frege G. Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache der reinen Denkens / Begriffsschrift und andere Aufsätze. Zweite Auflage. Hildesheim, Zurich, New York: Georg Olms Verlag, 1993. 124 s.

20. Платон. Диалоги. Книга третья и четвертая. М.: Эксмо, 2008. 1359 с.

21. Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 861 с.

22. Arendt H. Philosophy and Politics // Social Research. 1990. Vol. 57. No. 1. P. 73-103. EDN: HKLTTN.

23. Аристотель. Риторика / Античные риторика. М., 1978. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 03.01.2025).

24. Ceccarelli Leah. Shaping Science with Rhetoric. The Cases of Dobzhansky, Schrödinger, and Wilson. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 192 p.

25. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Trans. By Wilkinson J., Weaver P. London: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой «реплику» в дискуссиях о роли речи как элемента процесса развития науки. По-видимому, она задумывалась автором как некое обобщение тенденции, наблюдающейся в философии и методологии науки уже почти столетие – после К. Поппера и тех его «последователей» (в широком значении слова), которые всё более настойчиво акцентировали социальную обусловленность научного познания, в том числе, его зависимость от принятых в научном сообществе «правил». Конечно, и работы обобщающего характера имеют право на то, чтобы быть представленными на страницах научных журналов. К сожалению, однако, в таких случаях часто оказывается, что за текстом не стоит никакого специального исследования, автор лишь (в данном случае грамотно) повторяет давно известные читателю положения. Например, в заключении статьи сказано, что сегодня «всё более нивелируется противопоставление науки и риторики и утверждается понимание последней как неотъемлемого механизма научного процесса, конститутивного элемента, стоящего у истоков формирования научных теорий, их восприятия научным сообществом и социумом». Это, безусловно, верно, но какой вклад в признание этого вывода вносит рецензируемая статья? Возможно, отсутствие собственного исследовательского базиса побуждает автора использовать какой-то «кавалерийский» метод работы с литературой; ему достаточно вполне «невинного» замечания, чтобы сослаться сразу на несколько отнюдь не эквивалентных по содержанию и достоинству источников. Уже первое предложение («Одной из значимых смысловых тенденций современной эпистемологии является интерес к риторическому измерению научного дискурса») сопровождается указанием на девять (!) источников. А почему просто не сослаться на библиотеку? Может ли подобный способ апелляции к источникам закамуфлировать отсутствие собственного пути исследования заявленной темы? От упомянутого уже К. Поппера ведёт своё начало отождествление научности с «решительностью» утверждений, на которые решается исследователь; учёный почти инстинктивно стремится обострить познавательную ситуацию, да такое положение и объективно складывается, если он говорит что-то действительно новое в науке. Если же не утверждать ничего, что провоцировало бы научное сообщество на возражение и критику, то ошибиться, конечно, будет трудно, но принадлежат ли сами подобные тексты к составу науки? Впрочем, иногда автор всё же допускает неосторожные высказывания: «В современной эпистемологии, отталкивающейся от идеи того, что научные теории не являются объективными отражениями реальности, а скорее социальными конструкциями, формируемыми в процессе коммуникации и аргументации». Нет, конечно, и «объективными отражениями» тоже, другое дело, что бесконечность научного познания и его социальная обусловленность побуждают рассматривать процесс приближения к «объективности» как многообразно (зачастую на грани противоречивости) опосредствованный. Возможно, впрочем, что в такого рода заявлениях (рассыпанных последние десятилетия по всему полю публикаций в области философии науки, а не присутствующих лишь в рассматриваемой статье) проявляется и игнорирование диалектики, так и не изжитое в постсоветской («отвернувшейся от марксизма») философии. Несмотря на высказанные замечания статья, несомненно, заслуживает

публикации в журнале. Возможно, автор расширит её за счёт более «предметного» рассмотрения темы, небольшой объём (0,5 а.л.) позволяет сделать это.